

Общая газ. - 2000. - 14 сент. - с. 10.

Восемь персонажей в поисках Эфроса

Дмитрий Крымов написал пьесу Чехова

Художник, который пишет пьесы, — явление редкое. Но если художника зовут Дмитрий КРЫМОВ и он — сын Анатолия Эфроса и Натальи Крымовой, удивления не возникает. Тем более что Крымов ничего не сочинял: все реплики и монологи его пьесы с рабочим названием «Долгое прощание» — принадлежат перу Антона Павловича Чехова. Любимый драматург Эфроса и актеры, которые и поныне остаются неотъемлемой частью его театральной легенды, — «составляющие» будущего спектакля. Пьесу взялся ставить Анатолий Васильев, и можно предположить, что ее премьера станет событием грядущего сезона. Слово — автору замысла, Дмитрию Крымову:

— У ЧЕХОВА почти во всех пьесах повторяется одна и та же драматическая схема. Кто-то непременно приезжает, происходят какие-то нелады, все пьют чай, обязательно исповедуются, потом — драматические любовные объяснения, и кто-то вновь уезжает, а кто-то с печалью остается. Во всех его пьесах действуют одни и те же персонажи: мужчина, добившийся успеха в жизни, но тем не менее подверженный рефлексии — Тригорин, Астров, Лопахин, второй мужчина, этакий растяпа — Гаев, дядя Ваня, Вершинин, зрелая женщина, мечтающая о большем — Елена Андреевна, Раневская, Аркадина, молодая девушка, у которой, как ей кажется, всё впереди — Аня, Ирина, Соня, и молодой человек, надеждам которого не суждено сбыться — Треплев, Тузенбах, Андрей Прозоров. Такие чеховские архетипы. Еще слуги, «странные» персонажи (вроде Шарлотты) и обязательно старик — Дорн, Сорин, Фирс, Чебутыкин. Почти комедия дель арте. Как будто Чехов закодировал во все свои пьесы какую-то, для него единственно возможную формулу мироздания. Когда я это понял, мне показалось: если поменять монологи и реплики местами, переписать их, можно увидеть Чехова заново. И эффект от увиденного неожиданно усилится.

Моя пьеса о жизни вообще и, конечно, об актерах. Играют в ней Ольга Яковлева, Николай Волков,

Александр Ширвиндт, Александр Калягин, Елена Коренева, Анатолий Грачев и Борис Романов. Играют самих себя и одновременно — постаревшую Нину Заречную, постаревшую Раневскую, постаревшего дядю Ваню, Астрова, Лопахина. Они выйдут на пустую сцену, и Яковлева, помедлив, произнесет: кажется, это наш театр...

И люди в дорожных костюмах, озираясь, подхватят:

— Да, это то самое место...

— Ну, что ты плачешь, — столько лет прошло...

Герои садятся, с трудом узнавая друг друга. И начинается что-то вроде пикника: актеры раскладывают принесенную с собой еду, какие-то бутерброды. Это очень почеховски. Помню, однажды мы с Олей Яковлевой встретились в Париже — она там одно время жила, а у меня там была выставка. Она пришла ко мне в гостиницу и стала вытаскивать из сумочки и метать на стол какие-то странные маленькие кулечки, пакетики. Точно, как делала это в Москве после премьеры. И вдруг стол в чужой стране превратился в тот, прежний, времен Малой Бронной.

Артисты говорят, говорят, и постепенно всеобщая возбужденность от встречи переходит в исповеди, монологи о том, как прошли в разлуке все эти годы:

— Как не постареть, ни одной свободной минуты не было...

— Жизнь пошла, волей-неволей сам становишься пошляком...

— Жена есть жена...

И дальше — в соответствии с чеховской «схемой» — происходят любовные объяснения. Вначале между молодыми. На них со стороны смотрит Ольга Яковлева: «Кажется, нас хотят поучить, как нам надо играть. Я давно не играла, но сейчас мы им покажем...» На сцене появляется Александр Ширвиндт и начинается: «Дорогой мой, любимый, я без тебя не могу...» — диалог Аркадиной и Тригорина. Его сменяют объяснения Елены Андреевны с Астровым и дядей Ваней (абсолютно зеркальные, даже в ремарках), сцены Соленого и Ирины, Треплева и Нины, Дуняши и Епиходова... Все это происходит одновременно... А когда клубок драматических любовных сцен запутан окончательно, герои падают

на стулья, и Ольга Яковлева выдыхает: «Уф! Зачем мы здесь?!» И Елена Коренева откликается: «...спать не могла, тревожно стало как-то...» А Николай Волков произносит: «Мне поговорить надо с кем-то, а не с кем...»

В сцене прощания, опять же, разногласия всех самых знаменитых чеховских монологов. И «Если бы знать, если бы знать...», и «Хорошо мы здесь прожили...». Герои исчезают со сцены постепенно. Оставшиеся Яковлева с Волковым бросаются друг к другу, обнимаются, как Раневская и Гаев в «Вишневом саде», но тут неожиданно возвратившийся Анатолий Грачев словами Треплева объявляет: Спектакль закончен! За-на-вес! Финал.

Текст вышел сложный, многослойный. Но я бы хотел, чтобы это был спектакль не только для «знатоков», чтобы зрители, которые уже не помнят спектаклей того театра, к которому мы принадлежим, и даже не всегда узнают его актеров, воспринимали пьесу как пьесу о жизни, о себе.

...На сцене восемь стульев и восемь человек, но двое — слуги — сидят на одном стуле. Один стул все время остается пустым. Все оглядываются на него, словно бы ждут кого-то, а потом забывают об этом, отвлекаются жизнью и вновь спохватываются: кого-то среди нас не хватает! Это же про каждого из нас...

Сейчас принято тратить на постановки громадные деньги, но я бы хотел сделать все очень скромно. Как-то я присутствовал на репетиции Стрелера в Милане: на сцене — только стул и какая-то доска с лампочками, обозначающая рампу театра. В таких «декорациях» Стрелер репетировал всего две фразы. Но от этого, казалось бы, наипростейшего зрелища было невозможно оторваться. Мне бы хотелось, чтобы из странного, почти абсурдного актерского междусобойчика родился спектакль, сходный по трогательному и шемическому настроению с фильмом Феллини «Джинджер и Фред». Теперь, как говорится в старом анекдоте, дело за малым: нужно со всем этим добром — взлететь!

Записала Марина ТОКАРЕВА